

С чего начинается Родина...

ТЕАТР

ИХ БЫЛО пятеро — девочек, одетых в солдатские гимнастерки, девочек, вырванных войной из мирной жизни с ее первыми заветными тайнами, с ее надеждами и мечтами... Они были очень разными — красивыми и некрасивыми, смешливыми и серьезными, «себе на уме» и бесхитростными. Они еще только-только начинали жить, но это начало резко и сразу стало концом.

...Смерть солдата на войне — что можно добавить к этим словам? А если солдат — девушка, девочка, почти ребенок, чуть не со школьной скамьи?

Тридцать лет прошло с начала войны. Но легко ли и теперь найти у нас, в России, семью, которую бы обошла война? Везде она кого-то не пощадит — отца, деда, старшего брата... Или мать. Или сестру...

Поросли травой могилы. Поставлены памятники. Воздвигнуты монументы. Но раны, нанесенные войной, все еще кровоточат. Потому что память о погибших — она жива в людях.

Да, она тяжела, эта память. Но она необходима нам сегодня, ибо учит великой науке любви и ненависти. Любви — к каждой пяди родной земли, ненависти — к каждому, кто посягнет посягнуть на нее.

Солдат на войне... Многое еще можно — и нужно — добавлять к этим словам. И потому пишутся о войне новые книги, снимаются фильмы, делаются спектакли. И если они получаются в целом удачными, — пусть даже не безукоризненно, — в арсенале отнюдь не только эстетического, но прежде всего гражданского, патристического, политического воспитания появляется еще одно «действующее орудие».

Спектакль Свердловского драматического театра «А зори здесь тихие» (по повести Б. Васильева) — из их числа.

ЭТО НА СЦЕНЕ театра одна за другой уходят из жизни пятеро девушек, одетых в солдатские гимнастерки. Но их гибель мы, зрители, не можем воспринимать как только сценическую — иначе откуда этот комок в горле, эти слезы, застилающие глаза? Исчезает рампа, отделяющая зал от сцены, и то, что происходит перед нами, проходит через наши сердца...

И если мы переживаем в театре такие минуты — уже од-

но это означает, что спектакль состоялся. И как-то не хочется взвешивать, анализировать, сопоставлять... Но сделать это все-таки нужно. Потому что очень важно, чтобы «Зорья» была суждена долгая жизнь, чтобы спектакль рос, креп, чтобы он набирался сил.

Так обычно говорят о человеке... Что ж, спектакль этот даже по строю, ритму своему напоминает человеческое дыхание: как чередуются вдох и выдох, напряжение и расслабление, так чередуются и сцены его — то насыщенные тревогой и болью, то улыбочные, лиричные... Это построение, акцентированное режиссером А. Соколовым, рождает четкий и щемящий контраст между героинями с их юной женственностью и теми испытаниями, что выпали на их долю... Но ритм спектакля неровен. Несколько затянута в первом акте, он убыстряется, ускоряется к финалу, он учащается, как пульс человека в самые ответственные и решительные моменты его жизни.

Такой момент наступает для каждой из героинь. Но мы не переживали бы в зале так сильно, если бы не успели еще раньше понять — и принять — всех пятерых. Правда, не в равной мере...

ВОТ Лиза Бричкина — сколько доверчивости, душевности, силы в этой деревенской девочке, жившей трудно и в общем-то одиноко, но полной нетерпеливого ожидания счастья, которое придет к ней, не может не прийти! Это ожидание — в блеске глаз, в готовности к улыбке, ясной и щедрой, так красящей ее простое, доброе лицо... Скажется, что эта роль — отличная работа актрисы М. Буториной, — значит, сказать правильные, но холодные слова... Потому что на сцене нет никаких следов «работы» — есть характер, есть биография, есть живой человек, достоверный в каждом жесте (как она подает руку при знакомстве — «дощечкой»), в каждой реакции (как вскрики-

ют вдруг щеки от незлобивой насмешки подруги)...

А Соня Гурвич Маланькая, худенькая, вчерашняя первокурсница-отличница, не расстающаяся с книжницей Блока... Кажется, полная противоположность Лизе Бричкиной — а по-ди ж ты, именно с Лизой и дружна больше всех: не зря они при всякой возможности норовят взять друг дружку за руку... Если взвесить — роднит их больше, нежели различает: Соня — она тоже сильная, очень сильная — иначе как бы смогла жить с сознанием, что вся семья ее наверняка погибла, и не распускаться — ни на минуту, ни на секунду! Это сложная роль, и то, что молодая актриса Т. Приходько не только схватывает многие грани ее, но и заставляет нас задуматься в суть характера своей героини, приводит исполнительницу к успеху.

В целом точно выстроена роль Риты Осминой (Г. Умпелева). Но, видимо, и актрисе, и режиссеру надо четче решить сцену, когда Рита после ранения стреляет себе в висок... Мы, зрители, должны быть абсолютно убеждены, что поступок Риты — единственно правильный.

Уточнения требуют и роли Жени Комельковой (А. Ладнова), и особенно Гали Четвертак (Т. Суханос). Ладновой хорошо удается яркость, бесшабашность своей героини — этой красавицы, ведущей себя временами, как «сорви-голова». Здесь есть «попадание» на внешние данные актрисы, но ее выразительную пластику. Но, думается, не совсем оправдана внутренняя резкость, даже озлобленность Жени, что проскальзывает в саркастических нотках голоса, в позах, подчеркнуто-вызывающих... Это кажется нарочитым. Да, Жень пережила большую драму, как пишет Б. Васильев в своей повести, «насмотрев на все трагедии, была чрезвычайной обидчивой и озорной...»

Т. Суханос пытается сосредоточить основное внимание на

внутреннем мире своей героини. Но поскольку роль Четвертак выписана скупо, а «заданое» в ней многое, актрисе пока не совсем удается раскрыть перед нами этот мир, определить логические закономерности поступков Гали, оправдать смысл отдельных реплик, обращенных к ней.

Повесть Б. Васильева разными театрами ставится по-разному. Наш театр решает ее скорее в психологическом ключе (хотя в постановке присутствуют и другие краски). Это — близко персоналическому. И именно великолепная повесть может помочь доделать то, что требует доделать...

Говорю об этом подробно потому, что какорда пятерых зенитчиц, звучащий в спектакле в целом выразительно и волнующе, может стать еще более мощным, если каждая нота в нем, каждый звук будет выверен и силен...

Это же относится и ко всему стилю спектакля. Он только выиграет, если режиссер снимет натуралистические моменты в своей постановке.

НО КРОМЕ девушек-зенитчиц в спектакле есть еще один герой. Единственный, о котором не надо говорить слово «была»... Главный герой — старшина Васков. Главный по отведенному драматургическому материалу, по сюжетному строю и по той идее, которую несет с собой.

И если у актера В. Марченко эта роль находится еще в стадии становления, то об исполнении ее Ю. Васильевым хочется рассказывать подробно, вспоминая многие сцены, многие находки... Такой полнокровной, масштабной работы у Ю. Васильева еще не было. Его Васков — это плоть от плоти земли русской, это человек кристальной чистоты и цельности, это герой в самом высоком значении слова. Понимание это приходит к нам постепенно, оно высвечивается актером через очень земные, очень обыденные черты старшины

Васкова — его основательность, неколебимое следование букве устава, смешную занудливость... Но высвечивается все сильнее, все ярче, и в финале спектакля мы преклоняемся перед этим человеком — так мало учившимся, но могущим столь многому научить нас...

И все-таки я не буду подробно говорить о том, какими средствами лепит актер этот образ. Потому что для спектакля неизмеримо важнее другое: тот счет, который предъявляет сам себе старшина Васков, счет, который раздирает ему душу: пять — и десять... Это ведь он, старшина, повел девачат в разведку, а потом принял решение дать бой — и они полегли, все пятеро, за десяток фрицев.

А ведь он мог заставить девачат уйти предупредив своих, и сам бы прикрыл их. Только тогда еще кусочек нашей земли стал бы не нашим...

Как соотности такое человеку: меру жертвы — и цель, во имя которой она принесена!

— Пока война, понятно. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему я фрицев этих дальше не пустил, почему такое решение принял... Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? Да там ведь тоже, поди, охрана, там ведь людишек куда больше, чем пятеро девачат да старшина с наганом! — эти слова Васкова обращены прямо к нам, сидящим в зале. В них, в ответе на них — идея спектакля: Васков и пятеро девачат Родину защищали. Сначала ее, и уж потом — канал...

Так эмоциональный заряд постановки соединяется с высоким идейным смыслом ее... Правда, пока это соединение не воспринимается как кульминационное. Добиться же этого необходимо. Потому что, прочувствовав спектакль сердцем, мы непременно должны принять его и разумом. Ибо только то, что прочувствовано и осознано, будет в нас навсегда.

Н. ЗЕНОВА.